

РАННИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА С. Л. РУБИНШТЕЙНА

А. Н. Славская

Общая характеристика периода

Сергей Леонидович Рубинштейн поистине может быть назван творцом отечественной гуманистической психологии и философии, заложившим в своих трудах их уникальные основы. Критически переосмыслив и переработав весь путь истории философии и мировой науки, он сумел выделить в нем новые позиции, которые преодолели концепции и подходы, раздроблявшие человека, человеческое познание и преобразование им мира на отдельные, не связанные друг с другом «превращенные» концепты. Решив эти задачи, он и сумел построить единую философско-психологическую систему, внутреннюю целостность которой представляет человек как субъект познания, деяния и созерцания.

Первый период творчества С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х гг., отраженный в его рукописях, машинописных работах и нескольких статьях, увидевших свет при жизни автора (а также в комментариях к ним К. А. Абульхановой, А. В. Брушлинского, О. Н. Бредихиной и автора данной главы), еще мало исследован. Датирование начала его научного творчества этими годами, то есть десятилетием ранее, чем принято считать (обычно называют 30-е годы XX века), имеет значение как с точки зрения исторической, так и все новых и новых перспектив развития философии и психологии. Философские идеи ученого вошли в мировоззрение, исследовательскую методологию психологии, ее теорию и стратегию развития. Его концепция продолжает разрабатываться созданной им школой и за ее пределами, продолжает вызывать интерес за рубежом.

Первое изучение личного архива С. Л. Рубинштейна, который сейчас хранится в отделе рукописей ГБЛ, было отражено в дипломной работе автора данной главы[†]. Теперь же мы представим результаты

* Автор имела уникальную возможность познакомиться со всеми работами, содержащимися в личном архиве Рубинштейна, участвовала в подготовке

дальнейшего исследования первого этапа научного пути С. Л. Рубинштейна. Предметом данного исследования явился одесский период его жизни и творчества (1910–1929 гг.). Начиная с 1980-х годов (Кольцова, 2004, 2008), впервые проведена источниковедческая работа с ранними статьями и рукописями С. Л. Рубинштейна, предположительно определены последовательность и даты их написания. Проведено историко-теоретическое и методологическое исследование их содержания[†]. Продолжается работа по расшифровке неопубликованных текстов и подготовке их к публикации. Методами исследования архивных материалов С. Л. Рубинштейна служили: 1) методологический подход, 2) понятийно-концептуальный анализ, 3) биографический метод, 4) библиографический метод, 5) метод реинтерпретации, реконструкции (П. Рикер, В. А. Кольцова и автор данной главы).

В число изученных материалов входят две опубликованные в 1920-е годы статьи[†] и статьи неопубликованные, а также рукопись, условно названная философской и относящаяся предположительно к периоду 1910–1920-х годов. Мы установили следующую последовательность их написания:

1. Философские рукописи (тетради): созданы предположительно в период 1910–1916 гг., впервые выборочно опубликованы в 1989 году (Абульханова, 1989, с. 19–27).
2. Заметки по методологии истории и общественных наук, предположительно написанные в 1915–1916 гг., впервые опубликованы в 1989 г. (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 335–336).
3. «О философской системе Г. Когена»: статья предположительно датируется 1917–1918 гг., впервые опубликована в 2003 году (Рубинштейн, 2003, с. 428–451).

к сдаче его К. А. Абульхановой в Отдел рукописей ГБЛ, результатом чего явилась дипломная работа, выполненная в 1980-х годах под руководством В. А. Кольцовой и защищенная в 1987 году (на дипломную работу были даны положительные отзывы А. В. Брушлинским, Т. А. Ребеко и В. Н. Носуленко).

* Источниковедческая работа проводилась автором в Отделе Рукописей ГБЛ, а также в частном архиве, находящемся в ведении Лаборатории истории психологии Института психологии Российской академии наук. Архивные материалы были выстроены в их последовательности по годам написания, соотносительно с определенными биографическими событиями одесского периода жизни С. Л. Рубинштейна. Две увидевшие свет статьи 1920-х годов представляли собой, согласно примечанию автора, лишь отдельные фрагменты глав книги.

[†] Мы опускаем из этого списка докторскую диссертацию С. Л. Рубинштейна, защищенную еще в Марбурге, опубликованную на немецком языке и до сих пор, к сожалению, не проанализированную. К марбургскому периоду принадлежит и еще одна из его самых первых студенческих работ по философии, нигде не опубликованная, хранящаяся в рукописном отделе ГБЛ (ф. 642, к. 18, 11).

4. Николай Николаевич Ланге // Народное просвещение. № 10. 1922 (перепечатано в: Вопросы психологии. 1979. № 5; Рубинштейн, 2003, с. 452–456).
5. «Размышления о науке»: статья предположительно написана в начале 20-х годов XX века, опубликована впервые в 1989 году (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 332–335).
6. «Наука и действительность»: датируется 1922-м годом, впервые опубликована в 1989 году (там же, с. 336–344).
7. Программа по логике: датируется 1922-м годом, впервые опубликована в 1989 году (там же, с. 344–345).
8. «Принцип творческой самодеятельности»: статья опубликована в 1922 году (Рубинштейн, 1922).
9. «Психология Шпрангера как наука о духе»: датируется серединой или концом 1920-х годов, впервые опубликована в 1989 году (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 345–363).

Работы С. Л. Рубинштейна десятых-двадцатых годов имеют философский, методологический, науковедческий, психологический и педагогический характер. Они составили основу его общей онтологической концепции человека, личности, ее воспитания и развития, а также концепции методологии научного познания.

Первый ранний период творчества С. Л. Рубинштейна, в отличие от творчества многих не менее талантливых ученых, которые в своих начальных исканиях лишь интуитивно угадывали линии дальнейшего исследования, лишь намечали направления будущего пути, характеризуется высочайшей степенью зрелости, концептуальной проработанностью всего разностороннего комплекса научных проблем. В нем аккумулированы практически все основные идеи его многогранной концепции.

Основные особенности концепции С. Л. Рубинштейна и ее формирования в 1920-е годы проанализированы в работах его учеников К. А. Абульхановой-Славской и А. В. Брушлинского, написанных к его 100-летию юбилею. В них подчеркивается, что датировать начальный этап научной деятельности Рубинштейна нужно не тридцатыми, а двадцатыми годами. Это утверждение опиралось и фактически подтверждалось изученными нами ранее архивными материалами ученого (Применение концепции..., 1989; Абульханова, Славская, 1998, 2010; Абульханова, 2010).

Какое историческое значение это имеет? Датирование начала научной деятельности такого крупного ученого десятилетием ранее, чем принято в отечественной психологии, позволяет раскрыть период его философско-психологического самоопределения и понять, почему он сразу уже в начале тридцатых годов заявляет о себе как зрелый психолог. Отечественными психологами двадцатых годов была поставлена задача перестройки психологии на марксистской основе;

решить же эту задачу ее построения, и не столько на марксистской, а на более широкой, диалектико-онтологической, философской основе, смог лишь ученый, не просто хорошо знакомый с психологией, но уже критически переработавший ее основные тупиковые и перспективные направления, наметивший методологически ключевые для ее дальнейшего развития идеи. Характеристикой периода десятых-двадцатых годов как творческого пролога его научного пути устанавливается связь с двумя последующими этапами творчества Рубинштейна тридцатых–сороковых годов уже в качестве психолога и с завершающим этапом – как психолога и философа (пятидесятые годы).

Последний этап, как известно, представлен тремя опубликованными еще при жизни автора монографиями «Бытие и сознание» (1957), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии» (1959), (выходившими в свет подряд год за годом) и незавершенной при жизни рукописью «Человек и мир»*.

Ученики С. Л. Рубинштейна называют его концепцию философско-психологической (Абульханова, 2010; Ананьев, 1969; Брушлинский, 1989). Это исторически важная оценка, поскольку тридцатые–сороковые годы – два собственно психологических этапа творчества С. Л. Рубинштейна, тогда как уже в начале пятидесятых он снова заявляет о себе как философ.

Не зная научной биографии С. Л. Рубинштейна и его работ начала века, трудно понять, как и почему, будучи официально признанным психологом (то возвеличиваемым, то гонимым), Рубинштейн в конце жизни выступает как философ.

Контекст основных идей Рубинштейна необычайно широк. Это Марбургская неокантианская школа, анализируемая и критикуемая им в определенной степени еще с гегелевских позиций, и его преодоление лежавшего в ее основе кантовского учения. Это и первое методологическое осмысление политэкономической теории Маркса. Это и проблемы методологии точных наук – теории относительности

* Расшифровка этой рукописи была осуществлена его ученицей (и душеприказчиком) К. А. Абульхановой в течение пяти лет, но опубликована только через 13 лет после смерти автора (по идеологическим причинам). Она включена в том его ставших библиографической редкостью статей, в самый его конец, и снабжена комментариями К. А. Абульхановой, служившими двоякого рода целям – пояснить содержание ряда положений, с одной стороны, и скрыть остроту и неприемлемую в тот период новизну идей – с другой. Первоначально комментарии предполагалось представить в качестве предисловия к этой части монографии. Однако Е. А. Шорохова, как официальный и идеологический руководитель сектора философских проблем психологии, который она возглавила после смерти С. Л. Рубинштейна, опубликовала свое предисловие. Можно добавить, что монография увидела свет только благодаря публикации в издательстве «Педагогика», где редакторы не догадывались об остроте и радикальности идей С. Л. Рубинштейна по отношению к официальной философской доктрине.

Эйнштейна, евклидовой и неевклидовой геометрии в их соотношении с гуманитарными, и одновременно происходящее осмысление проблем отечественной и мировой психологии (Н. Н. Ланге, Э. Шпрангер, вюрцбургская школа, гештальт-психология и др.). Самоопределение по отношению ко всем этим контекстам осуществляется на основе глубочайшего знания истории философии, истории культуры, а также всего цикла гуманитарных и точных наук (физики, химии, математики и т. д.). Творчество раннего Рубинштейна представлено следующими направлениями.

Первое связано с проблемами методологии науки. Одновременно осуществляется принципиальное философское и науковедческое различие познания, получаемого в его результате знания и науки (как социально обусловленного познания), выявление соотношения понятийно-логического и действительного знания. Определяются пути преодоления эмпиризма познания, сопоставляются начальный и итоговый этап процесса познания, соотносительно с познаваемой действительностью, анализируются способы развития знания и установление в их системах связей понятий и категорий. При аналитическом изложении наиболее перспективных областей современного ему знания, прежде всего – теории относительности, Рубинштейн ставил задачу выявить его философско-методологические характеристики, которые подтверждали бы предложенное им определение сущности метода в его обращенности на решение задач конкретных наук. Одновременно он ставил задачу проанализировать проблемы, критерии самой науки, собственно логику науки. При этом подразумевалось преодоление формализации логических законов путем установления конкретных сфер науки и задач исследования, в которых они действительно правомерны, являются необходимыми и достаточными и ведут к открытию новых содержательных научных проблем, а не к оформлению готовых результатов. Одной из центральных проблем являлось существующее противоречие: с одной стороны, утверждалась универсальность логических формул и потому их неизменность и безотносительность к познаваемому содержанию, с другой – учитывалась реальность поступательного развития познания, то есть изменение знаний и их содержания. Другой ключевой проблемой становится анализ соотношения точных и гуманитарных наук в контексте осуществляемого еще марбургской неокантианской школой поиска их единого метода. Здесь, по-видимому, по-новому развиваются идеи, сформулированные еще в докторской диссертации в середине десятых годов, ставшие причиной принципиального разногласия молодого Рубинштейна с главами марбургской школы Г. Когеном и П. Наторпом.

Это направление разрабатывается в статье о Г. Когене, где подробно, критически анализируется его концепция, а также в статьях: «Заметки по методологии истории и общественных наук», «Размышления о науке», «Наука и действительность», последняя из которых представляет

собой оглавление (в двух вариантах) и краткое содержание глав книги, над которой работал в эти годы С. Л. Рубинштейн.

Второе направление раннего творчества Рубинштейна связано с изучением и анализом методологических проблем отечественной психологии (трудов Н. Н. Ланге в статье-некрологе) и основных направлений зарубежной психологии, прежде всего гештальтпсихологии как наиболее интересного и конструктивного философско-методологического поиска соотношения целого и его составляющих, способа их связей и приоритетности. Раскрытие тенденций развития западноевропейской психологии в основном осуществляется при анализе концепции Э. Шпрангера в соответствующей статье.

Третье направление трудов ученого – основная для всего периода десятых-двадцатых годов онтологическая философско-антропологическая концепция Человека и его Бытия – совершенно оригинальная, уже основанная не на гегелевской и еще безотносительная к марксовой. Эта концепция является кратким проспектом рукописи «Человек и мир» конца пятидесятых годов – вершины творчества Рубинштейна. Она представлена и в до конца еще не расшифрованных «Философских тетрадах» 1915 и 1916 годов. Эта концепция является методологическим основанием всех последующих этапов творчества С. Л. Рубинштейна и опережает развитие отечественной философской мысли второй половины XX и начала XXI века. Разработанная в ней философская проблема Человека и Мира, Человека как Субъекта занимает по праву уникальное место в философско-психологическом мировоззрении и методологии мировой науки (Абульханова, 1989, 2010; Брушлинский, 1987, Разработка философских..., 1985). Непосредственно к ней примыкает аккумулирующая все идеи 1910–1920-х годов статья «Принцип творческой самодеятельности», которая одновременно является связующим звеном между кругом философских и психологических идей С. Л. Рубинштейна и содержит в себе ставшую ключевой для отечественной психологии XX века концепцию взаимодействия субъекта деятельности и действительности, трактовку развития человека, личности в деятельности (Абульханова, Брушлинский, 1989; Абульханова, Славская, 2010; Разработка философских вопросов..., 1985).

Четвертое направление исследований Рубинштейна в ранний период его творчества представляют собой научные и психологические портреты личностей Г. Когена и Н. Н. Ланге, содержащиеся в соответствующих статьях этих столь разных во всех отношениях ученых – философа и психолога. В высшей мере зрелым, целостным и обобщенным является представление совсем молодого Рубинштейна о судьбе ученого, характере его творчества, его роли Учителя и соотношении его творческих деяний с его жизнью. Таким образом, «Размышления...» (как скромно назвал автор свою статью) о науке соотносительно с действительностью, о способе познания и его развитии, перерастают в осмысление личности самого Ученого, его роли как субъекта пере-

дачи знаний и развития мышления его продолжателей. Диалектика развития науки как науки о человеке и философия человека конкретизируется при выявлении диалектики творца и его деяний, творца и его творчества, творца и его жизни.

Эти четыре основных направления философско-психологических исследований Рубинштейна, внешне кажущиеся различными по своему предмету, тематике, на самом деле пронизаны едиными идеями – философско-онтологической концепцией бытия, бытия человека как Субъекта – творца, деятеля, субъекта подлинно этичного отношения к другому человеку, а также познания, осуществляющегося разными науками, но развивающегося и достигающего объективности не «за счет» элиминирования субъекта (якобы как источника субъективности), а субъектом путем выработки им особой конструктивной методологии и стратегии познания и знания.

Философское образование как факт научной биографии С. Л. Рубинштейна и первая докторская работа, остающаяся «белым пятном» в изучении его творчества (Sergej Rubinstein, 1914), позволяют утверждать, что в самом начале своего научного пути он сформировался как философ. Последующие же события – то, что он стал преемником одного из виднейших русских психологов Н. Н. Ланге, а в начале 1930-х был официально приглашен М. Я. Басовым в Ленинград для заведования кафедрой психологии – позволяют объяснить его обращение к психологии не только этими различными фактами его биографии*, а логикой его научного творческого пути.

Основным является вопрос о том, как же объединялись в его концепции философия и психология и в каком историческом контексте осуществлялось это объединение? Рубинштейн был прежде всего методологом отечественной психологии, так как на втором этапе научного творчества решал задачу построения психологии на диалектико-материалистической основе (Рубинштейн, 1935, 1940, 1957, 1973). Е. А. Будилова, его ученица, давая развернутую характеристику исторического периода советской психологии 1920-х гг., перечисляет всех психологов, которые выступили за построение марксистской психологии: П. П. Блонский, (выступивший против идеалистической концепции Г. И. Челпанова), В. М. Бехтерев, Л. С. Выготский, К. Н. Корнилов

* Из многочисленных биографий С. Л. Рубинштейна, написанных его учениками А. В. Брушлинским и К. А. Абульхановой, известно, что после краткого периода заведования кафедрой психологии после смерти Н. Н. Ланге и чтения лекций по философии, истории философии, логике, психологии, а также теории относительности Эйнштейна, он был вынужден отказаться от блестящей карьеры психолога и философа и уйти на заведование Одесской публичной библиотекой, фактически – в ее «подвалы», которые использовались для интенсивного продолжения научной работы (Брушлинский, 1989, с. 9). О научной и педагогической деятельности С. Л. Рубинштейна на этом посту см. статью А. Я. Чебыкина и И. М. Пивоварчик в данной книге.

и С. Л. Рубинштейн. Она утверждает, что ни реактология Корнилова, ни рефлексология Бехтерева, ни даже культурно-историческая концепция сознания Выготского, затрагивая проблемы структуры поведения, не дали решения ключевой для методологии психологии проблемы человеческой деятельности†, которую решал С. Л. Рубинштейн.

Внутренняя невозможность для других психологов выйти за пределы психологии для решения ее кризиса была, по словам Л. С. Выготского, результатом неверных методологических позиций‡. Психологи, ограниченные рамками отечественной психологии, не могли совершить синтеза на новой основе, поскольку каждый из них не мог подняться над своим односторонним пониманием проблемы. Поэтому попытки применить марксизм к психологии в большинстве случаев оборачивались его чисто внешним применением. С. Л. Рубинштейн же, с одной стороны, прекрасно знал состояние психологического знания, с другой – в двадцатые годы он находился вне «бурных» событий психологической науки.

Преодоление кризиса мировой психологии и построение системы отечественной осуществлялось С. Л. Рубинштейном уже в начале тридцатых годов. Следовательно, двадцатые годы были важнейшим этапом философско-психологической подготовки к решению этой проблемы. Без понимания исторической роли двадцатых годов в творчестве С. Л. Рубинштейна невозможно понять, почему он, обратившись к психологии, сразу смог решить задачу такой сложности, которую не мог осилить даже ряд выдающихся психологов того времени.

Однако оказали ли идеи двадцатых годов такое же влияние и на последующие периоды (сороковых-пятидесятых)? Опираясь на суждения представителей школы С. Л. Рубинштейна, можно утверждать, что от работ двадцатых годов протягивается непрерывная логическая линия ко всему научному творчеству С. Л. Рубинштейна, и особенно к его поздним философским работам.

* «Человеческая деятельность лишалась своей сущности и сознательности, – пишет она, – и сводилась к двигательным ответам или реакциям. Детерминантой сознания оказывается ответная реакция, и сознание определяется раздражением, получаемым от собственного тела» (Будилова, 1979, с. 738–739). Далее она продолжает: «Вне связи с поведением, еще в начале 20-х гг., проблема деятельности была поставлена С. Л. Рубинштейном, выделившим принципиальную сторону марксистского понимания роли деятельности для развития человека» (там же).

† «Очевидно, – писал Л. С. Выготский, – круг этого кризиса очерчен таким образом, что он вытекает из самой природы того методологического основания, на котором развивается психология на Западе; поэтому внутри себя он не имеет разрешения» (Выготский, 1982, с. 453). Эта мысль верна и в отношении состояния советской психологии 1920-х годов: «Попытки объединить разные направления и создать единую психологическую теорию кончаются неудачей, потому, что они эклектичны» (там же, с. 152).

Это доказывается анализом и сопоставлением всей совокупности работ периода десятых-двадцатых годов, поскольку до сих пор они публиковались отрывочно, изолированно одна от другой и сопровождалась лишь небольшими комментариями (Каган, 1989).

Проблемы методологии наук и научного познания в ранний период творчества С. Л. Рубинштейна

С. Л. Рубинштейн поступил в Марбургский университет в 1908 году и закончил его с отличием защитой докторской диссертации, посвященной проблеме метода, в 1914 году (Sergej Rubinstein, 1914). Задача восстановления учения Канта стояла в центре исследований марбургской школы и предполагала в качестве основного вопрос о познании, его логике и методе. Проблемы методологии и логики выдвинули обе школы неокантианства – марбургская и баденская. В последней методы познания делились на номотетические и идиографические. Г. Коген, крупнейший представитель марбургской школы неокантианства, решал вопрос о сходстве и различии гуманитарного и естественного знания, однако путем отрыва самого содержания от метода, путем его формализации.

Критика Рубинштейном марбургской школы пошла по двум направлениям: 1) восстановления роли самого субъекта в познании, который элиминировался представителями неокантианства; 2) разработки методологических принципов познания (восхождения от абстрактного к конкретному и от эмпирического – к теоретическому) и преодоления парадигмы Канта. Позднее С. Л. Рубинштейн реализовал свою раннюю концепцию субъекта в форме принципа проявления сознания в деятельности и его формирования в ней (Рубинштейн, 1940).

Рубинштейн анализировал широкий круг методологических проблем: и проблемы методологии точных, естественных наук – математики, физики, геометрии и др., и проблемы логики, психологии, социологии, этики и эстетики.

Подвергая анализу «позитивный» характер естественнонаучного знания, С. Л. Рубинштейн приходит к выводу, что его метод неприменим к гуманитарному знанию. Подвергая критике формализм марбургского понимания метода гуманитарного знания, он ставит вопрос об онтологическом типе детерминации действительности, являющейся предметом гуманитарного знания. Для раскрытия типа причинности здесь он использует принцип субъекта, о котором говорилось выше. Именно субъектность, а не субъективность познания должна, по его мнению, объяснять специфику гуманитарной методологии, которая связана с ценностным характером гуманитарного знания. Таким образом, основным направлением критики Рубинштейном идей марбургской школы явилась разработка принципа субъекта.

Второе направление критики неокантианцев Рубинштейном – учение Г. Когена об «этическом социализме», в основе которого лежал

категорический императив Канта. В противоположность марксизму, социализм рассматривается им как чисто нравственная программа.

Анализируя еще в своей первой студенческой работе по философии стремление представителей марбургской школы восстановить кантовское учение о познании, Рубинштейн устанавливает, что они признавали бытие только в пределах, обнаруживаемых на первой ступени познания, – ощущения и восприятия. Он оценивает этот подход как проявление эмпиризма и сенсуализма. Часть работы посвящена критическому анализу метафизического «псевдознания», основным принципом которого считается «рефлексия», а основным методом – наблюдение. Рубинштейн доказывает научную несостоятельность такой трактовки с позиций диалектического понимания соотношения идеального и реального, субстанции и субъекта, бытия сущего и содержания знания. Это свидетельствует о том, что еще в период освоения идей марбургской школы Рубинштейн уже оценил их критически с собственных позиций.

Цикл статей 1920-х годов по методологии наук и научного познания открывается статьей «Наука и действительность (к основам точного знания)» с пометкой «8 авторских листов» (ГБЛ; ф. 642, картон 2, 5) и представляет собой проспект книги, составленной уже после защиты докторской диссертации по возвращении в Одессу. Свою задачу Рубинштейн формулирует так: «Дать работу, посвященную изложению структуры точного знания (математики и естествознания) и отношения его к действительности» (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 336–345). Важно отметить, что в непосредственно примыкающих к этой статье по содержанию работах (даже небольших фрагментах): «Заметки по методологии истории и общественных наук», «Размышления о науке», «Программа по логике», он переходит от обсуждения чисто гносеологической проблемы к проблемам научного познания, соотношения типов знания в разных науках, развития наук и научных понятий. Этот круг проблем можно определить не столько как науковедческий, сколько как методологический, имея в виду методологию ряда наук как способа научного познания.

В первой же главе он ставит проблему объективности научного познания «в отличие от субъективности нашего знания», которая обеспечивается, как он это доказывает, методологически. Свое доказательство ученый формулирует следующим образом: «Наука определяется как система, в которой каждый элемент определен своим отношением к другим элементам системы. Конструктивность самого содержания знания выражается в том, что элементы его определяются своим отношением друг к другу. Необходимо изменять не „точку зрения“ на данное содержание, а трансформировать само содержание, как делал Эйнштейн (меняя самые законы), а не как Мах (меняя только существующую на них точку зрения)» (там же). В этом отрывке Рубинштейн уже обращается к понятию системы, которое в качестве

методологически центрального для психологии много позднее было разработано Б. Ф. Ломовым в качестве системного подхода. Здесь существенно не то, что понятие системы исторически возникло раньше принципа системности, а то, что именно его привлечение обеспечило постановку и наметило путь решения самой сущности проблемы методологии науки.

Много позднее, в «Бытии и сознании» (Рубинштейн, 1957), Рубинштейн, анализируя многокачественность психического, предложил для определения разных качеств психического принцип включения его в разные системы отношений и еще позднее, в «Человеке и мире» (Рубинштейн, 1973), – в систему разных отношений человека: к миру, к другому человеку, к самому себе. В «Человеке и мире» он трактует категорию системы и понятие отношений совершенно иным образом, чем в этих ранних работах. Это различие заключается в том, что в ранних работах имеется в виду целостная «закрытая» система такого типа, при котором все элементы определены их отношениями друг к другу, характер системы определяют отношения, а система – связь отношений. В поздних же трудах осуществляется определение качеств некоторой специфической области действительности и ее качеств в науке как в открытой системе: психического – через его отношения с другими системами, при включении в которые выявляются его разные качества, причем имеется в виду ряд различных систем. Вероятно, такой способ определения сущности психического связан с его многокачественностью в отличие от тех систем (физики, геометрии), которые Рубинштейн рассматривал в своих первых работах как качественно специфические, «закрытые», а отношения в них – имплицитно предполагающие друг друга. В «Человеке и мире» качества человека определяются через различные отношения к бытию – познание, деятельность, созерцание.

И хотя понимание систем в обоих случаях различно, в связи с вопросом об их объективности, который обсуждается Рубинштейном, следует отметить, что ни в одном, ни в другом случае последняя никак не связывается с изменением «точки зрения», как считал Мах, о чем прямо пишет Рубинштейн. Отличие его понимания от махистского важно подчеркнуть в связи с тем, что впоследствии западноевропейский ученый Пейн в своей монографии (Paune, 1968), в целом оценив концепцию психического, представленную в «Бытии и сознании», как глубоко диалектическую, а саму книгу «Бытие и сознание» назвав лучшей книгой по психологической теории, написанной и опубликованной в Советском Союзе (там же, с. 75), назвал рубинштейновский метод определения разных качеств психического через разные системы связей и отношений аналогичным махистскому. Онтологический подход, реализованный Рубинштейном и в ранних, и в поздних трудах, получивших широкое признание, не позволяет сводить ни различие качеств, ни различие отношений к простой «смене точек зрения», то есть

субъективных взглядов на них. Это радикальное различие Рубинштейн отмечал уже в своих самых ранних работах, где речь шла еще о методологии познания, до разработки им онтологического подхода к познанию, объекту, предмету. Важно отметить, что именно в решении проблем методологии познания, науки он нашел такое определение ее объективности, которое связал со способом конструирования знаний в особом типе «закрытые системы». Поэтому он определяет науку как конструктивное познание. Эту конструктивность позднее Рубинштейн рассматривает в контексте деятельности субъекта познания по конструированию систем, с одной стороны, и проблемы, как многообразии наглядного эмпирического материала (действительности), от которого отправляется познание, может привести к категориальным конструктам – с другой. При каких же условиях достигается объективность этого конструирования? Таковыми на том этапе Рубинштейн считает «обобщение основных моментов», определяющих научные тенденции современной ему физики и математики.

Однако, опираясь на проспект второй главы, важно подчеркнуть, что Рубинштейн, учитывая дифференциацию наук, соотносит самое содержание этих новых систем со способами методологического конструирования любых других. То есть в достижениях точных наук он выделяет общий принцип конструирования систем, но, в отличие от логиков, которые предлагали абстрактные универсальные формы познания в любой науке, он отмечает: «Вопрос о логических знаниях – вопрос выражения логической структуры, какой научной системы она является», – то есть принцип конструирования реализуется в связи с конкретным содержанием определенной науки. Подобные решения ученого характеризует глубокая диалектичность. В этой же связи Рубинштейн дает критику логического понимания понятий как статичных, не вбирающих реального движения познания. Он утверждает, что понятия трансформируются и приобретают новое содержание в определении нового контекста, переходя из одного контекста в другой. Так закладывается основа его теории конкретизирующих абстракций в познании. В разделе «Структура и роль понятия в научном знании» в основу определения кладутся избранные положения из работ Кьюве, Менделеева, Пуанкаре и глава о фетишизме из «Капитала» К. Маркса.

Важно отметить, что принцип конструирования как методологию познания в науке Рубинштейн осуществляет путем обобщения конкретных систем различных наук, в основном точных, хотя одновременно и обращаясь к социальным, а – уже позднее – к гуманитарным и к психологии. В фрагменте «Программа по логике» он пишет о своем семинаре по методологии социальных наук, на котором специально разрабатывались проблемы социальной методологии и где происходило «выяснение марксизма как экономического (или социального) материализма в отличие от материализма натуралистического» (С. Л. Рубинштейн...,

1989, с. 344–345). В главе «Знания как научная система» он проводит сравнительный анализ, с одной стороны – геометрии, с другой – социальных наук. Рубинштейн пишет: «Наука строится преодолением изолированности единичного, включением его в его всеобъемлющее целое и определением той функции, которую он в этом целом выполняет» (там же, с. 332–335).

В третьей главе работы он ставит проблему знания и реальности, которая, видимо, им еще не решена, обсуждая ее лишь в рамках соотношения конкретных и абстрактных категорий, критикуя Маха и Авенариуса за отрицание конструктивности отношений элементов знания, сводимых ими к чистому описанию. По его мнению, проблема познания включает как начало познавательного процесса, так и его результаты, оформленные не в виде абстрактного знания, а по критерию применимости знаний к реальности. Рубинштейн задается вопросом, как может быть охвачено все многообразие реальности, открывающееся в начале познания в абстрактных категориях, в результате познания и как затем последние могут быть применены к действительности, если они не воплотили и не объяснили всего этого многообразия. Пока он отвечает на него, отдавая предпочтение конкретным категориям по отношению к абстрактным.

В главе четвертой предполагается разработать классификацию наук, вычленив логическую структуру математики (выявить связи идей Гаусса, Бейля), физики (и особенно – механики и электродинамики) (Эйнштейна, Бейля), показать отличие структуры новой физики от физики ньютоновской. Хотя речь идет о методологии естественно-научного знания, Рубинштейн формируется здесь и как методолог всех – гуманитарных и точных – наук. Поэтому спустя десятилетие, в начале тридцатых годов, он смог решить сложнейшие проблемы методологии психологии, сумел раскрыть логику ее развития и противоречия.

Отмечая глубокую революцию, которую переживает современное естествознание, он подчеркивает значение работ Эйнштейна как не ограничивающихся сферой специальных вопросов, а затрагивающих самые основы современного знания. Под логикой знания он и понимает методологию науки. Конспект будущей книги (или уже созданной в форме лекций об Эйнштейне) важен не только как самоценность – он открывает значение Рубинштейна как методолога науки, который обсуждает проблемы логики науки не как абстрактные инварианты, а в зависимости от развития процесса познания, раскрывающего конкретно-научные содержания, в результате новых исследований и открытий в науке. Так в его концепции намечается еще не разрешенное, но продуктивное противоречие, состоящее в том, что, с одной стороны, конструируемая система знания внутренне «замкнута» своей совокупностью отношений, с другой – она должна иметь «выход» к действительности, возврат к реальности. Парадоксально, что задолго до этих работ и представленных в них идей сама онтология и проблема

субъекта уже была им разработана ранее в «Философских рукописях» (тетрадах) (Абульханова, 1989), но в совершенно другом контексте – антропологически-онтологическом, этическом.

Эта работа, главы которой проанализированы выше, является исходным пунктом второго, собственно философского, направления развития концепции Рубинштейна, содержащейся в «Философских рукописях». Так вырастают два смысловых философских узла его концепции. Первый – это онтологическая философско-антропологическая концепция субъекта как субъекта деятельности, этического отношения к другому человеку. Здесь еще не присутствует субъект познания, поскольку последнее, казалось бы, на том этапе исчерпывающе объяснено конструктивизмом методологии, создающей «закрытые» системы в науке. Вторым смысловым узлом связан с методологией науки и наук, где субъект пока эминирован из процесса познания. Затем следующее утверждение ученого, прозвучавшее при анализе им научного познания: для преодоления субъективизма познания сам субъект должен быть из него элиминирован, – парадоксальным ходом мысли преобразуется в утверждение включенности субъекта и в бытие, и в познание. Преодоление субъективности, препятствующей достижению объективности познания, осуществляется путем доказательства объективности самого субъекта. Здесь происходит радикальное изменение хода мысли и позиции ученого.

К циклу работ Рубинштейна периода 1920-х годов может быть отнесена статья с чрезвычайно емкой характеристикой концепции Г. Когена (Рубинштейн, 1997), которая дает возможность глубже понять осуществляемую автором на том этапе постановку проблемы познания не как чисто гносеологической, а как проблему научного познания, науки, в свою очередь радикально преобразующую когеновскую концепцию. Если у последнего исчезает какая бы то ни было действительность и ее заменяет наука как уже воплотившая ее суть, то есть познание порождает содержания бытия, то у Рубинштейна познание отправляется от действительности и возвращается к ней для ее объяснения в реконструированном познанием виде. Наиболее существенным здесь является обращение Рубинштейна к идее преобразования действительности в процессе познания ее субъектом, которую позднее в психологии он в тридцатых годах представит как принцип единства сознания (не познания и не науки) и деятельности, последняя является на том этапе воплощением ее онтологичности как реальной способности преобразования бытия.

Проблемы субъекта в ранних работах С. Л. Рубинштейна

Создание онтологической концепции, раскрывающей процессы изменения, взаимодействия как структуру бытия и включающей субъектов и их бытие, представляет собой оформленное целостное направление интересов и содержание философских рукописей С. Л. Рубинштейна,

относящихся предположительно к десятим–двадцатым годам*. Идея субъекта – в основном как имплицитная проблема – формируется С. Л. Рубинштейном позднее, в двадцатых годах, в контексте разработки методологии научного познания.

Можно отметить, что в философской рукописи ставится тот же круг проблем, который составляет содержание направления методологии научного познания, изложенного выше:

- проблема многообразия бытия (которая обсуждалась уже как проблема возможности его познания в категориях),
- проблема содержательности – уже не в контексте критики логических отвлеченных от содержания абстракций, а как онтологическая характеристика сущего,
- проблема данности – не в плане созерцательности, эмпиричности познания, а как способность субъекта конструктивно исчерпать ее содержание и решить последнюю.

Здесь раскрывается центральное положение, связывающее онтологию и философскую антропологию: субъект – «центр перестройки бытия» (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 81). Активность субъекта раскрывается в познавательном, деятельном, этическом и эстетическом отношениях к миру. «Познание проявляется в соучастии и формировании» (там же, с. 82). Наиболее существенным представляется введение С. Л. Рубинштейном отношения не только к объекту, но и к другому субъекту, более того – рассмотрение их взаимодействия: «„Раскрепощение“ бытия другого человека в результате не отчуждения, а соучастия. В результате моего отношения он не сводится к совокупности отношений разных людей, а обретает бытие в себе» (там же, с. 85). И далее: «Это то бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает ее через меня (и в какой-то мере я – через него)». На полях: «Отсюда развитие педагогики иного стиля: формирование человека через отношение к нему, воздействие на него» (там же, с. 86).

Итак, субъект: 1) относится к другому, усиливая и проявляя его сущность; 2) действует по отношению к другому; 3) проявляет свою любовь к другому. В обобщенном виде это и есть «соучастие и взаимодействие» субъектов, то есть активность субъектов взаимна. Более конкретно онтология субъектов раскрывается в постановке проблемы нравственности: «нравственные деяния не обозначают пользу или счастье человека (на которого направлено мое деяние. – А. С.), оно

* Эти рукописи, имеющие значительный объем, расшифрованы и впервые опубликованы лишь в своей небольшой части К. А. Абульхановой. Они включены в контекст ее статьи «Принцип субъекта в философско-психологической концепции» (Абульханова, 1989), которая представляет собой уже не комментарии, а исследование и интерпретацию данного труда С. Л. Рубинштейна. В статье приводится сравнение заложенных в нем идей с кругом идей последнего труда ученого «Человек и мир».

должно дать бытие человеку. Любовь есть созерцание и утверждение совершенства» (там же, с. 90).

В этой же рукописи содержится центральная для периода двадцатых годов и всего творчества в целом идея «самодеятельности» субъекта, которая детальнее раскрыта в опубликованной статье «Принцип творческой самодеятельности», где аккумулировано характеризующее субъекта направление его самодетерминации и направленность его деятельности на действительность (детерминация им действительности).

И уже здесь Рубинштейн впервые предпринимает попытку распространить онтологический подход на психологию. Но этот ход мысли остался имплицитным на протяжении тридцатых-сороковых годов и был эксплицирован в форме принципа детерминизма в «Бытии и сознании» лишь в пятидесятых годах.

Статья «Принцип творческой самодеятельности», по словам самого автора, является лишь частью одной из глав книги, которую в тот момент не было возможности опубликовать*. Книга, судя по всему, так и не была опубликована. Эта статья является связующим звеном философских, психологических и педагогических идей Рубинштейна, основой следующего собственно психологического периода тридцатых годов, мостом, перекинутым через тридцатые–сороковые годы к пятидесятым – последнему, завершающему этапу творчества ученого. Статья опубликована с подзаголовком «К философским основам современной педагогики» и реализует, как очевидно, цель интеграции философско-психолого-педагогических проблем. Она была подготовлена к печати в связи с задачами реорганизации высшей школы на Украине, которой практически занимался С. Л. Рубинштейн, и поэтому начинается постановкой и обсуждением собственно педагогических проблем – проблем учения.

Ссылаясь на Платона, С. Л. Рубинштейн говорит о том, что «знание не сообщается как бы переливанием из одного сосуда в другой, учиться – значит самому у себя находить, овладевать своим собственным познанием» (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 433). «Учение мыслится как совместное исследование, – продолжает С. Л. Рубинштейн, – вместо догматического сообщения и догматической рецепции готовых результатов – совместное прохождение того пути открытия и исследования, который к ним приводит» (там же). Нетрудно увидеть здесь ту же мысль, которую он высказал в вышеупомянутой статье о Г. Когене – о его искусстве осуществления процессов совместного мышления слушателей

* Рубинштейн писал: «Размышления об объективности, приводимые в этой небольшой, случайного происхождения, статье, заимствованы мной из главы II „Идея знания“ моей работы. Заимствования эти представляют из себя краткие, но местами текстуальные выдержки. Я поэтому считаю нужным это здесь оговорить, хотя и не знаю, когда мне представится возможность эту работу напечатать» (С. Л. Рубинштейн..., 1989, с. 438).

и о прохождении совместно с автором всего его хода мысли. И на этой основе формулируется принцип творческой самостоятельности как активности субъекта: «Система, в основу которой было положено пассивное восприятие готовых результатов, копирование данных образцов, – одна лишь бездеятельная и бесплодная рецептивность, должна быть заменена системой, основа и цель которой – развитие творческой самостоятельности»; и далее: «на основе творческой самостоятельности субъекта стремится современная педагогика построить процесс и всю систему образования» (там же).

Обобщая, Рубинштейн утверждает, что человек – не только объект воспитания, но и субъект, у которого происходит внутренняя работа над тем, что он воспринимает.

Однако эта центральная и перспективная для всего последующего творческого пути С. Л. Рубинштейна концепция в многочисленных комментариях к данной статье (К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, В. А. Лекторский и многие другие) несколько заслонила, если не опустила, содержание той части статьи, которая связана с рассмотренными выше проблемами методологии познания, науки. Упомянутое выше еще не решенное в цикле проанализированных статей противоречие между закрытостью системы знания, определяемой соотношением ее элементов, и открытостью познания как процесса, отправляющегося от многообразия действительности и осуществляющего такую ее категоризацию, которая может в результате познания объяснить это многообразие, – здесь находит свое решение, связанное с субъектом познания.

Подробно критически анализируя объективизм в трактовке познания, приводящий к позитивизму, который «бытие <...> принципиально отождествляет с данностью, а знание с рецепцией этой данности» (там же, с. 434), которым «объективность знания полагается в независимости его предмета от познания», Рубинштейн блестяще доказывает, что субъективизм (кантовского толка) есть «результат того негативного понятия объективности, которым оперирует догматический объективизм, <...> полагая объективность в независимости данного» (там же, с. 435). И, отправляясь от этой критики, С. Л. Рубинштейн снова воспроизводит положение о системе, «все отношения между элементами которой сами есть элементы той же совокупности, так что она замыкается в законченное целое, каждый элемент которого совершенно определен в пределах того же целого», которое как будто определяет систему в ее «в себе обоснованном существовании», то есть в независимости от познания (и познающего) (там же, с. 436). В этом нетрудно увидеть здесь прямую аналогию с гносеологической установкой советской психологии.

Давая позитивное разрешение указанного противоречия, Рубинштейн заменяет понятие целостности, исключаящее понятие субъекта, понятием завершенности: «объективность нужно поэтому искать

не в независимости от чего-то другого (независимости бытия от познания. – А. С.), а в завершенности его собственного содержания <...> объективно не то, что дано, а то, что завершено» (там же).

Проводя аналогию между познающим субъектом и автором художественного произведения, он пишет: «чем совершеннее художественное произведение, тем более завершено целое, тем более самостоятельный «мир» оно из себя представляет. Значит, «чем значительнее творческая деятельность художника, его создавшего, тем более самостоятельным целым является его творение» (там же).

В этом сравнении заключена глубочайшая для характеристики существа познания идея, состоящая не в простом введении субъекта в процесс познания, а в раскрытии того критерия его объективности, который состоит в творческой самостоятельности познающего. «Объективность какой-либо совокупности содержаний зависит не от того, входит ли в состав его что-либо от меня исходящее и мной вносимое или нет <...> а от того, замыкается ли оно в завершенное самостоятельное целое. Тем самым преодолевается конфликт между объективностью и творческой самостоятельностью» (там же).

Многих поверхностных положений избежала бы и современная гносеология в ее поисках критерия истины, и теория отражения, автоматически распространенная на психологию, если бы эти строки, написанные десятилетиями ранее, были прочитаны и осмыслены.

Здесь же Рубинштейном намечен ход к раскрытию процесса познания как исследования: «исследование, которое никогда не есть принятие данного, а, наоборот, преодоление данного, установленного до исследования во имя новых результатов исследования» (там же, с. 437). Этот ход позволяет соединить особенности познания и познания в науке, которые в предыдущих работах рассматривались достаточно изолированно. Тема творческой самостоятельности, с развития которой начинается статья в связи с педагогикой как освоением знаний, затем продолжается в связи с анализом процесса познания и критерия получаемых в его итоге знаний, и в итоге разворачивается в раскрытие сущности самой творческой самостоятельности. Это проблема соотношения субъекта и его деяний.

«Но если субъект лишь проявляется в своих деяниях, – пишет Рубинштейн, – а не ими также сам создается, то этим предполагается, что субъект есть нечто готовое, данное до и вне своих деяний, и, значит, независимо от них» (там же).

Так Рубинштейн выступает против того, чтобы оторвать от личности ее деяния, – ее действия, во-первых. Во-вторых, он продолжает: «Видеть в деяниях только проявления субъекта, – отрицать обратное воздействие их на него – значит разрушать единство личности... Итак, субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самостоятельности не только обнаруживается и проявляется; он в них создается и определяется» (там же), то есть речь идет о взаимном соотношении субъекта

екта и объекта деятельности по преобразованию. При чтении этих строк возникает впечатление, что Рубинштейн как будто предвидит и предостерегает от того, что произошло впоследствии в психологии в трактовке соотношения личности и деятельности, когда их фактически отождествили.

«Если „деяния“ не входят определяющим фактором в его (субъекта. – А. С.) построение, они не включаются в него. Личность во всем многообразии своих проявлений не может поэтому сомкнуться в одно внутренне связанное целое. Субъект – то, что в личности есть она „сама“, остается за деяниями как его проявлениями; он им трансцендентен. Ее единство распадается» (там же).

Чрезвычайно важно отметить пронизывающую анализ буквально всех проблем идею целостности, единства, которая не рассматривалась впоследствии применительно к личности, «вытесненная» идеей ее развития как результата ее деяний, или рассматривалась именно в отрицаемом Рубинштейном смысле как «есть она „сама“», вне связи ее целостности с ее открытостью в мир, с ее деяниями и ролью последних для поддержания этой целостности.

Однако Рубинштейн не рассматривает подобную зависимость как абсолютную универсальную формулу. Уже осознавая психологическую реальность других соотношений у других личностей, он пишет: «Бывают, конечно, деяния, которые не определяют характера личности и не включаются в то целое, в котором заключается личность» (там же, с. 438). К этому можно лишь добавить, что реально существуют деяния, которые разрушают единство личности.

Однако, чрезвычайно существенно и то, что С.Л. Рубинштейном вводится здесь не только понятие личности, но и понятие индивидуальности («завершенная индивидуальность не значит изолированная единичность»), то есть намечен прямой переход к проблемам и понятиям не только педагогики, но и психологии, не только психологии познания, но и психологии творчества, а также психологии субъекта – нравственной личности.

Мы находим здесь и ключ к постановке проблемы интерпретации, если определять ее как осуществляемую личностью интеграцию из самых разнообразных составляющих своего индивидуального, завершенного целого. «Лишь в сознании из тех обломков и осколков человечества, которые одни нам даны, этического, социального целого создается нравственная личность» (там же).

Будто создавая пролог к последнему произведению своей жизни «Человек и мир», С.Л. Рубинштейн вводит затем субъекта и его деяния в широчайший контекст, в котором они реализуются: «Личность тем значительнее, – пишет он, – чем больше ее сфера действия, тот мир (курсив мой. – А. С.), в котором она живет, и чем завершеннее этот последний, тем более завершенной является она сама» (там же). Позднее в отечественной психологии распространилась идея выхода личности

«за свои пределы», надситуативной активности и т. д. Однако эта идея формулировалась в отрицательных понятиях. Рубинштейн же видит проблему не в выходе за пределы чего-либо, не в уходе, а в раскрытии того, во что личность включается за «пределами» и как осуществляется это включение. Он рассматривает включенность личности в жизнь, а позднее – в Мир. Критерий завершенности, относящийся вначале к познанию, распространяется на личность, ее жизнь и сферу ее деяний. В заключение, новый контекст предполагает достижение личностной завершенности.

В данной философско-психологической работе речь еще не идет о соотношении сознания и деятельности, но о лежащем в его основе соотношении субъекта и о его деятельности, о личности и ее деяниях. Это соотношение рассматривается уже в данной ранней работе как развитие. Таким образом, можно говорить, что идея субъекта, которую выдвинул Рубинштейн в анализируемой статье, включила и объединила в себе и его идею о личности – целостности, развитии (через деятельность), и об активности индивидуальности и творчества (принцип творческой самодеятельности). Здесь в единстве представлены проблемы: субъекта познания, субъекта деятельности, развития, личности и достижения ими завершенности, – все те идеи, которые в будущем Рубинштейн разовьет как отдельные звенья своей целостной и одновременно разветвленной концепции.

Очень важно отметить внутреннюю взаимосвязь идей, представленных в этой небольшой программной статье. Здесь проблемы познания включены в контекст задач педагогики (как активности познания и совместности познания), в число важнейших задач последней входит и воспитание, но воспитание прежде всего морального, нравственного, этического в человеке (где просматривается очевидная связь с проблемой этичности отношений субъекта в «Ранних рукописях» (тетрадах) 1915–1922 гг.). Личность же выступает и как субъект воспитания, и как субъект, внутренне принявший этические принципы, и как субъект познания, действий, деяний и творчества. Говоря о субъекте, он пишет о личности большого художника-творца: «В творчестве создается и сам творец» (С.Л. Рубинштейн..., 1989, с. 438).

Принцип единства сознания и деятельности, который Рубинштейн предложил в 1934 году в статье о значении идей Карла Маркса для психологии, подчеркивает ту же двоякую зависимость: сознание, а следовательно – и личность, которым она обладает, не только реализуется в деятельности, но в деятельности же и формируется (Рубинштейн, 1934). Зависимость двоякая, диалектическая: сознание определяет действия человека, но в его же деятельности и формируется, последняя же охватывает разные сферы действительности, придавая им и самой личности завершенность. В общепсихологическом определении деятельности подчеркивается ее предметный характер, который

стал едва ли не ведущей ее характеристикой в психологии, поскольку последняя стремилась подчеркнуть объективность деятельности и ее социальную обусловленность. Понятие предметности деятельности соотносилось с потребностями, которые удовлетворяются этими предметами. Однако при переносе в психологию, да и в самой философии, предметность деятельности стала ее ведущей характеристикой, а то, что деятельность осуществляется субъектом, придающим объектам соответствующий своим потребностям характер, выпало из понимания сущности деятельности. Как отмечала К.А. Абульханова, в психологии в результате появилась формула, что «деятельность сама себя осуществляет». Употребленное, как мы видим, еще в самых ранних работах С.Л. Рубинштейном, понятие завершенности обозначает то качество деятельности, которое зависит от субъекта, достигается им. И одновременно оно относится к характеристике объекта, который в результате преобразующей деятельности субъекта выступает в новом целостном качестве («предмета»).

Важным является и то, что принцип единства сознания и деятельности, который позже стал для психологии основополагающим, методологическим, здесь выступает и как более общий, философский, принцип субъекта, и конкретно – как характеристика субъекта деятельности. Рубинштейн вырабатывает объективное, диалектико-онтологическое понимание субъекта в противоположность и Гегелю, с одной, и Гуссерлю – с другой стороны. Гуссерль, который также принадлежал к марбургской школе, разрабатывал идею замкнутого в себе, объяснявшегося из самого себя сознания. Вся марбургская школа сводила все к субъективности. Рубинштейн выдвинул в корне отличный принцип субъекта. Рубинштейновская трактовка субъекта также отлична и от гегелевского понимания, согласно которому субъект – это абсолютный дух.

Разрабатываемая Рубинштейном в статье идея самодеятельности субъекта – непосредственный исток и основа принципа единства сознания и деятельности. И, несмотря на его первоначальную несколько абстрактную формулировку, данный принцип позволил осуществить ту конкретизацию, важность которой настойчиво подчеркивал Рубинштейн в работе «Наука и действительность». Она в имплицитном виде содержала ту систему отношений в ее целостности, которую имел в виду Рубинштейн:

- сознания относительно личности, субъекта;
- субъекта – относительно его деятельности;
- деятельности – относительно действительности;
- результатов ее изменения как результатов деяний субъекта в их обратном влиянии на его развитие, согласно принципу «завершенности», – относительно к субъекту как условие его развития.

Анализ С.Л. Рубинштейном работ Н.Н. Ланге и Э. Шпрангера

Рубинштейн анализирует две работы Н.Н. Ланге: «Психологические исследования», в которой изложена теория перцепции, и «Теорию волевого внимания», содержащую концепцию воли (в пределах ее роли в перцепции), и частично – соотношение этой теории и теории эмоций Джемса, критиковавшего Ланге. В теории перцепции Ланге Рубинштейн вскрывает, при всей ее ярко выраженной эмпиричности, сходство с гегелевской схемой саморазвития понятия. Ланге считает, формулируя свой «закон перцепции», что она проходит через несколько стадий и «всякая предыдущая стадия имеет содержание более абстрактное, менее дифференцированное, последующая – более дифференцированное, конкретное» (Рубинштейн, 2003, с. 453). Иными словами, абстрактное является, как и у Гегеля, первичным по отношению к конкретному. Эта стадийность, по мнению Рубинштейна, аналог «к той картине сознания, которую дает феномен логического и логическая концепция Гегеля» (там же). Здесь же Рубинштейн останавливается на трактовке Ланге отношений, которые, по его мнению (см. «Наука и действительность»), являются конституирующими сущность системы. Ланге, подобно Юнгу, стремится редуцировать отношения, не вписывающиеся в парадигму эмпиризма.

В работе, посвященной моторному вниманию, Рубинштейн также критически отмечает, что внимание и его моторное обеспечение, согласно Ланге, фактически превращают предмет в «восприятие реакций организма, служащих для улучшения восприятия и их эффектов» (там же, с. 455), что и приводит к растворению психологии в физиологии. И здесь он обращается к позитивным тенденциям новейшей психологии, в данном случае – гештальтпсихологии, которая позволяет нивелировать связанный с эмпиризмом крен в физиологию и обратиться к связи с философией. И формулирует задачу будущей психологии как определение всех актов сознания и взаимоотношений содержаний сознания между собой в зависимости от форм отношений к предмету.

Отличие идей данной статьи от постановки проблемы в «Науке и действительности» состоит в том, что если там отношения конституировали систему вне отношения к предмету и объекту, а вопрос о представленности многообразия действительности в абстракциях, долженствующих в результате объяснить его, оставался открытым, то здесь речь идет о взаимоотношениях актов сознания, взаимно связанных с отношениями к субъекту действительности. Такое различие трактовки отношений при аналогичности самих схем объясняется, вероятно, тем, что в первом случае речь идет о схеме методологии познания, а во втором – о модели самого психического. В качестве вывода важно подчеркнуть, что и сходство, и различие схем свидетельствуют о диалектичности рубинштейновской трактовки самих проблем и его способности включать их в самые различные философские и психологические контексты.

В число психологических работ одесского периода входит статья «Психология Шпрангера как наука о духе», написанная не ранее 1924 года. В ней Рубинштейн выстраивает сложную систему координат для определения места Шпрангера в философии, культурологии и психологии начала XX века. Очень детально рассматривается связь концепций Шпрангера и Дильтея. Эти работы, по его мнению, представляли собой совершенно особое, прежде всего методологическое, направление в психологии, которое явилось крупной вехой в изменении способов психологического познания.

Шпрангер поддерживает дильтеевскую идею специфики психологического познания, раскрывая, однако, основной метод последнего не как переживание, а как «понимание». Независимо от различий в трактовке метода, эти характеристики становятся принципиально новыми трактовками методологии психологического познания и знания. Они несут в себе новый принцип включения познающего в познаваемое им явление. Будучи увлечен проблемой соотношения целого и части в познании, Рубинштейн, в свою очередь, разделяет идею Дильтея о целостности душевной жизни, в которой укоренено каждое единичное явление. Структура этой целостности имеет определенную архитектонику, которая поддерживается непосредственно переживаемыми связями.

Сравнивая далее психологию Дильтея и Шпрангера, Рубинштейн видит отличие их концепций в том, что для Шпрангера психология является «понимающей», а не описательной наукой, что составляет глубокое принципиальное различие. Шпрангер считает, что, согласно Дильтею, переживание, в отличие от понимания, не позволяет раскрыть смысл, который в качестве конституирующей составляющей включается в ценностное целое.

Смысловые связи представляются выходом познания в объективность из плена субъективности переживаний. Рубинштейн оценивает это положение как принципиально новое, интересное определение предмета психологии. Одновременно он критикует Шпрангера за то, что направление развития у него всегда константно. Рубинштейн находит корни такой трактовки развития в аристотелевском понятии развития.

Эти критические суждения Рубинштейна основаны на его глубоком понимании проблемы: «Для того чтобы понять активную роль субъекта в историческом созидании культуры, нужно было сохранить конкретного реального субъекта из плоти и крови, у которого осмысленность соотношений с культурой была бы не противопоставлена (курсив мой. – А. С.) его реальному бытию и деятельности, а включена в них: для того, чтобы подлинно реализовать ту мысль, что сознание индивидуума определяется объективным содержанием культуры, нужно было бы не превращать это последнее в метафизическую абстракцию, а понять его как исторический продукт реального об-

щественного развития» (Рубинштейн, 1997, с. 173). И далее высказывается, буквально в тех же формулировках, что и в «Принципе творческой самодеятельности», мысль о диалектике субъекта и объекта, соотношении субъекта с миром: «Из психического развития, – пишет ученый, – у него выпало активное соотношение субъекта с внешним миром, в котором субъект, соотносясь с миром и преобразуя его, сам формируется. Из развития оказались выключенными всякие элементы „самодвижения“, подлинного развития преобразующего субъекта» (там же).

Рассматривая смысловое место проанализированных выше статей в ряду работ анализируемого периода научного творчества С. Л. Рубинштейна, нужно отметить, что тремя статьями – о концепции Н. Н. Ланге, о теории Э. Шпрангера и в «Принципе творческой самодеятельности» (имеющем и психолого-педагогическую проблематику) – ученый объединяет три разных направления исследований на главном смысловом центре: на проблеме субъекта, его взаимодействия с миром, его деятельности и его развития как в своей деятельности, так и в выходящих за пределы его сознания сферах культуры, в которые он опять-таки включается объективными отношениями, реализуемыми в поведении и деятельности. Он объединяет их на новом принципе психологического познания, новом определении предмета психологии, которое сформулировал, оценивая идеи Э. Шпрангера и Дильтея; объединяет в другом масштабе психологической проблематики, что было радикальным шагом, связанным с обращением к концепции Шпрангера. На современном языке проблема формулируется как соотношение личности и культуры, причем личности не с точки зрения ее структурной организации, но с позиций развития ее сознания относительно с культурой, с ее областями и формами.

Рубинштейн очерчивает круг психологических проблем, пока не решенных, но уже поставленных отечественной и зарубежной психологией. Он формулирует и имплицитные, и эксплицитные методологические принципы их решения. Статья о Шпрангере – в своей основной части – является образцом имплицитной методологии. В статье «Принцип творческой самодеятельности» Рубинштейн эксплицирует философскую категорию субъекта. Он формулирует эксплицитное методологическое положение о субъекте в его соотношениях с миром, его творческой самодеятельности, самодвижении и развитии в деятельности, ставшее непосредственной основой принципа единства сознания и деятельности. В это единство, кроме деятельности, было включено и сознание, потому что анализ дильтеевско-шпрангеровского направления позволил Рубинштейну уже не в связи с философской идеалистической интерпретацией сознания, а в связи с его неадекватной тупиковой трактовкой в самой психологии (хотя одновременно – и в связи с мировоззрением, идеологией, культурой) раскрыть его конструктивную сущность в силу.

Заключение

Статьи С. Л. Рубинштейна 1910–1920-х годов содержат:

- 1 Определение методологии науки как путем обобщения методологии ряда наук на основе достижений точных наук (физики, геометрии и т. д.) и сравнения последних с социальными науками (в основном с концепцией Маркса). В этой группе статей рассматривается своего рода «технология» методологии – способ конституирования научных систем через раскрытие специфических для них отношений. Данный класс статей посвящен эксплицитной методологии научного познания. Здесь Рубинштейн рассматривает не чисто познавательную, гносеологическую проблематику (которой посвящен первый раздел его последней книги «Человек и мир»), а именно проблематику научного познания как методологию наук. Не стоит добавлять, что эти – совсем ранние – разработки особо значимы в условиях дискредитации методологии.
- 2 Конкретно-методологический анализ философских (Г. Коген) и психологических концепций (Н. Н. Ланге, Э. Шпрангер), в котором методология предстает как способ преодоления их неадекватных решений на имплицитной основе уже сформировавшихся у автора конструктивных, позитивных.
- 3 Сквозную идею самостоятельного субъекта в его соотношении с миром. Практически сквозной для всех статей является также идея конституирования целого в систему отношений.

В статье о Э. Шпрангере Рубинштейн обозначает проблему детерминации некоего целого (для Шпрангера – сознания) выходящими за его пределы отношениями (в отличие от проблемы внутренне взаимосвязанных отношений, характеризующих целое, как это было до сих пор).

Анализ и соотнесение друг с другом ранних работ Рубинштейна, раскрытие направленности содержащихся в них идей позволяет проследить и внутренние способы их связей, и относительную самостоятельность этих направлений в силу постепенности развертывания хода мысли автора. В ранних рукописях содержится ключевой для всего последующего развертывания ранних направлений и постановки и решения их проблем онтологический подход к субъекту, дано его определение через совокупность разных отношений к действительности – деятельного, этического и еще не рассматриваемого специально-познавательного.

Внутренняя связь статей двадцатых годов определяется направленностью на проблемы научного познания, которые, с одной стороны, позволяли на том этапе определить методологию науки как закрытую систему, с другой – уже поднять собственно психологическую и гносеологическую проблему открытости – движения познания от восприятия многообразия действительности через ее обобщенно категориальное

презентирование (идеальное) к объяснению этого многообразия. В связи с этим и вводится первоначально элиминированный субъект. Вторым связующим звеном статей двадцатых годов оказывается принцип творческой самостоятельности субъекта, конкретизированный и в качестве субъекта деятельности, и субъекта познания, и субъекта воспитания (этического отношения к другому как к субъекту). Внутренняя связь статей десятых – начала двадцатых годов выступает как условие и своеобразный «трамплин» перехода к конкретизации заключенных в них идей на следующем этапе рубинштейновского творчества. Если в этот ранний период Рубинштейн осмысляет операциональные возможности методологии науки, исходя из проблемного содержания физики, геометрии, социологии, то в тридцатые-сороковые он выстроит содержательную систему проблем и предмета психологической науки, методологически (и эксплицитно, и имплицитно) опираясь на созданный на этой основе принцип единства сознания и деятельности, базирующийся на категории субъекта.

Анализ подобной последовательности объясняет очень многое в приоритетах и логике дальнейшего творчества Рубинштейна. В тридцатые-сороковые годы протягиваются, сосуществуя в известной мере параллельно и иногда пересекаясь, две линии концепции Рубинштейна: собственно методологическая, как искусство конструирования науки (в тридцатые годы – уже психологической), но еще не интегрируемая непосредственно с гносеологией, и другая линия – разработки принципа единства сознания и деятельности, в форме проблемы субъекта деятельности в психологии.

1930–1940-е годы проникнуты методологической тягой к построению психологии как системы, с одной стороны, и стремлением доказать ее объективность, стремлением к ее онтологизации преимущественно через деятельность – с другой. Субъект, как неоднократно отмечалось учениками С. Л. Рубинштейна, присутствует пока только подспудно (Абульханова, Брушлинский, 1989), в качестве имплицитного принципа психологии. Видна непрерывность концептуального движения С. Л. Рубинштейна от проблематики марбургской школы – поиска единого для гуманитарных и точных наук метода – к самостоятельной позитивной разработке, во-первых, проблем методологии психологии (и других наук) в их имплицитном и эксплицитном содержании, во-вторых – фундаментальной концепции субъекта.

В начале 1950-х годов внимание Рубинштейна сосредоточивается не столько на конкретике внутренних взаимосвязей психического, сколько на вопросе, поставленном в подзаголовке «Бытия и сознания», – о месте психического в мире. Оно определяется как внутреннее, но не через раскрытие его внутренних связей (как в ранних работах, образующих в этом плане единое целое), а по отношению к внешнему миру, то есть как система, открытая в мир, сознательно и деятельно его изменяющая (как в 1930-х годах), определяемая совокупностью

отношений с другими системами (физиологической, социальной). Рассмотрение отношений как внутренне имплицитующих друг друга при введении характеристики психического как внутреннего, то есть онтологически специфического, переходит в анализ отношений как взаимоотношений с внешним – очень значительный методологический переворот в целостной концепции Рубинштейна, который только и открывается ключом ранних работ.

Идея субъекта является генеральной линией поступательного движения мысли Рубинштейна от ее философской разработки в рукописях 1910–1920-х годов к философско-психолого-педагогической в «Принципе творческой самостоятельности» и к философско-онтологической концепции субъекта в «Человеке и мире». Более доскональный анализ и соотнесение идей этого периода с последней философской работой С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» позволяет увидеть их преемственность и одновременно отсутствие концептуального тождества.

Анализ самого первого периода творчества С. Л. Рубинштейна дает возможность не только более чем на 15-летие ранее начать отсчет его пути в философии и науке. В этот период ученый рассмотрел одновременно, целостно, в единстве, весь комплекс философско-методолого-психологических и педагогических проблем, которые позже подверг последовательному анализу. Поэтому изучение данного периода научного творчества Рубинштейна позволяет понять самую лабораторию создания его последующих отлитых в строгие законченные формы концепций, увидеть последовательность их разработки. Оно позволяет понять основания введения человека в качестве субъекта в структуру философского знания, связанный с проблемой человека, субъекта: разработка данной проблемы в двадцатые и в начале тридцатых годов, скрытая опора на нее в тридцатые–сороковые годы и уже перед смертью превращение проблемы субъекта в объяснительный и интегрирующий философию и психологию принцип. Этот принцип после смерти Рубинштейна постепенно осваивается и применяется в психологических исследованиях конца XX века и интенсивнее – в начале века XXI.

Исследование первого периода рубинштейновского творчества показывает, что оно обладает завершенностью содержания (при всем многообразии охваченных вопросов), гуманистической направленностью на проблемы человека, личности, содержит стратегию содействия развитию лучшего в ней, укреплению ее душевных и нравственных сил в борьбе за человечность ее жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
- Абульханова К. А. Биография С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой. М., 2010.

- Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М., 1989.
- Абульханова К. А., Славская А. Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С. Л. Рубинштейна // Философия не кончается... Из истории отечественной философии XX в. В 2 кн. / Под ред. В. А. Лекторского. Кн. 2. 60–80 гг. М., 1998.
- Абульханова К. А., Славская А. Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С. Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн / Под ред. К. А. Абульхановой. М., 2010.
- Ананьев Б. Г. Творческий путь С. Л. Рубинштейна // Вопросы психологии. 1969. № 5.
- Брушлинский А. В. Разработка принципа единства сознания и деятельности в экспериментальной психологии // Психологический журнал. 1987. № 5.
- Брушлинский А. В. Рубинштейн – основоположник деятельностного подхода в психологической науке // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
- Каган М. С. О труде С. Л. Рубинштейна «Человек и мир» и его месте в истории советской философии // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
- Кольцова В. А. Методолого-теоретические основания историко-психологического исследования. М., 2004.
- Кольцова В. А. История психологии: проблемы методологии. М., 2008.
- Применение концепции С. Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М., 1989.
- Разработка философских вопросов логики и психологии // История философии в СССР. Т. 5. М., 1985.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1.
- Рубинштейн С. Л. Основы психологии. М., 1935.
- Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940; 2-е изд.: М., 1946.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957.
- Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. 2-е изд.: М., 1976.
- Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. М., СПб., 2003.
- Payne T. R. S. L. Rubinstein and the philosophical foundation of Soviet psychology. Dordrecht (Holland), 1968.
- Sergej Rubinstein. Eine Studie zum Problem der Methode. Marburg, 1914.